

Конец или преобразование психоанализа Французский опыт

Интервью с Сержем Гингером

1-го сентября этого года во Франции вышла «Черная книга психоанализа». Это издание вызвало эффект взрыва сред белого дня. За 3 недели был распродан тираж в 30000 экземпляров, при стоимости книги 30 евро, что даже для Франции значительные деньги. В связи с этим событием мы решили взять интервью у **Сержа Гингера**, ведущего французского психотерапевта, гештальт-терапевта, вице президента Французской Национальной Ассоциации Психотерапии, основателя Парижской Школы Гештальта, председателя сертификационной комиссии Европейской Ассоциации Психотерапии.

Артур Домбровский – директор Рижского Гештальт института.

Игорь Погодин – директор Белорусского Гештальт Института.

Артур: Ты 21 год занимался психоанализом. Почему ты занялся именно психоанализом? Все-таки 21 год это очень много, что ты для себя находил в психоанализе? Почему ты им занимался? Почему ты ушел из психоанализа? И почему ты 21 год все-таки оставался в психоанализе?

Серж: Я начал заниматься психоанализом не для себя. У меня были конечно личные проблемы, но я занимался психоанализом из-за моей работы. Я работал с молодежью, с трудными детьми и подростками которые были невротиками, психотиками и преступниками. Я был директором школы-интерната для трудных детей с криминальным прошлым и часто с психическими нарушениями. Мы с моей женой Анн Гингер открыли специальный интернат, который был единственным во Франции и нашим правилом было то, что мы будем брать всех, никому не отказывая. У нас были молодые люди, которые до нашего интерната побывали в 10-20 разных местах, в которых им не смогли помочь, поскольку они были самые трудные случаи. И мы искали способ работы с этими людьми. Работы было много, было 80 детей от 12 до 20 лет и нас, взрослых человек с ними было тоже около 80 специалистов: воспитателей, 4 психиатра, 4 психолога и т.д. Результаты были не значительные и мы искали новый подход в работе. У нас была такая психоаналитическая гипотеза: у них трудный характер из-за глубокого расстройства их воспитания и отношения с родителями. Так как обычные педагогические методы не давали результатов, мы полагали, что психоанализ может помочь понять откуда у них такие проблемы. Была такая классическая идея о том, что если мы будем лучше понимать их проблемы, то это понимание поможет им. Все сотрудники этого интерната проходили свой психоанализ – условием их работы у нас было знание психоанализа. Мы все жили там же, в этом интернате – все 80 человек. Я думаю это был единственный мировой опыт такого количества психоаналитических людей живущих вместе. И все время, каждый из нас кого-то интерпретировал. Это была психоаналитическая атмосфера 24 часа в сутки. Мы жили, ели, работали с детьми, работали вместе и старались понимать их и друг друга. У нас было много встреч с нашими подопечными - 20 часов в неделю. То есть, мы работали 60 часов в неделю, а 20 часов в неделю были встречи про каждого ребенка, встречи по программе, встречи по теории – изучали, чтобы понять, что происходило. Во время всех наших встреч психоанализ был базой наших отношений.

Это был не совсем классический психоанализ – на кушетке, а он был практический психоанализ, динамическая психотерапия, психоаналитическая психотерапия. У нас мотивация была скорее профессиональная, ну и конечно личная – чтобы лучше понять самих себя. Это было интересно. Результаты были не очень впечатляющие, было много разочарование, потому что было много энергии, много работы, много встреч, много

исследований – а результаты были средние. В течении 20-ти лет мы постепенно изменяли наш психоаналитический подход – все более и более интерактивный, эмоциональный, с движениями, с работой с телом, потому что эти дети не просоли психоанализа, никогда не лежали на кушетке, после 10-ти минут они уходили, убегали и нужно было адаптировать психоанализ к этой ситуации. И так постепенно мы нашли наш собственный специфический психоаналитический подход для таких трудных детей – вербальный и невербальный подход, активный и физический, и эмоциональный подход, игровой подход и т.д. И затем мы в течении 10-12 лет постепенно интегрировали наш метод с классическим психоанализом, психиатры и психологи были классическими психоаналитиками, а я и воспитатели были более педагогическими и мы вместе искали новые методы. Я хочу добавить что это было с 1950 года до 1970 года.

В середине 1960 годов психоанализ во Франции очень развивался во всех университетах, в журналах и газетах о психоанализе говорили как о новой парадигме человека – это было очень модно. И мы были такой живой лабораторией психоанализа – где пробовали разные подходы психоанализа, не только классический фрейдянский психоанализ.

Артур: Как же развивался психоанализ в Мире и в частности во Франции с 60-х годов до сегодняшнего дня?

Серж: Все интеллектуалы того времени были на психоанализе – профессора, ученые, писатели – каждый старался понять себя. В магазинах - во всех газетах, журналах был психоанализ, о нем говорили. Был такой период (20 лет приблизительно), когда психоанализ развивался очень стремительно и в то время был не только классический фрейдянский психоанализ, но и было новое течение психоанализа поддержанный идеями Жака Лакана. Жак Лакан был врачом, но больше он был философом, и занимался философией с целью понять, объяснить психоанализ читая лекции. В начале на них приходило 50 человек, потом 200, затем 2000 человек. Весь Париж приезжал слушать его «сумасшедшие» лекции. «Сумасшедшие» потому что не было ни начала, ни конца, он так импровизировал говоря все, что ему приходило в голову, и он старался все объяснить через психоанализ. Он был очень образованный, интересный, но немножко проблемный человек. Его выгнали из классической ассоциации психоанализа. Он создал еще одно общество – его выгнали и от туда, создал еще одно общества – снова выгнали, и он создал третье общество - «Лаканское», свое собственное общество и там проходили тренинги и терапии многих философов, писателей, артистов, сюрреалистов и т.д. И теперь несколько тысяч лаканских психоаналитиков работают во Франции. Он изменил практику терапии – он делал короткие сеансы – не 1 час или 50 минут, а 30 минут, потом 20 и затем 4 минуты. Его сеансы были очень короткие, но такие интерактивно - провокативные. Лаканское движение затем стало знаменито в латинских странах, в Италии, Испании и главным образом в Южной Америке. Но в не франкоговорящих странах лакановский психоанализ мало известен, так как его статьи и тексты трудно переводить – в них очень много сложных «игр слов», которые нельзя дословно перевести. Этот период длился 20-30 лет, потом случилась психосоциальная революция в 1968 году – повлекшая за собой большие реформы, забастовки в течение нескольких недель, такая своеобразная «культурная революция». Студенты стали разговаривать со своими профессорами на «ты», каждый выражал свое мнение как и где хотел, повсюду писали на стенах, каждый занимался сексом с соседкой, соседом (если они нравились), везде летал дух свободы. Это была революция без крови, но вся парадигма жизни изменилась. И лаканский, и классический психоанализ были тоже в центре, объясняли, что секс – это важно для жизни, важна свобода, что каждый человек уникальный и использовали психоанализ, чтобы объяснить эту революцию. Это длилось несколько месяцев. Я с женой Анн жил в Сорбонне день и ночь, забывая о наших детях, который занимались сами собой. Мы уезжали утром,

приезжали через три дня, ведя день и ночь дискуссии и споры – все старались построить новое общество, это было для нас и для всех очень важно.

В то время мне было 40 лет и в это время я закончил свой психоанализ. В то время психоанализ занял все места – в университетах, на факультетах психологии, психиатрии, и все их сотрудники занимались психоанализом.

Начиная с 1970 года в Европу и во Францию приехали гуманистические психотерапии из Америки, привезя идеи гештальт-терапии, транзактного анализа, приезжал К.Роджерс, Маслоу и многие другие. Развернулась большая борьба между психоанализом и роджерсианским подходом. И психоаналитики выиграли. Было большое количество книг про психоанализ – 3-4 книги в неделю. Сейчас существует 5-6 тыс. книг по психоанализу на французском языке, выходит приблизительно 20 журналов, было 20 обществ, 2 официальных общества психоанализа Франции – они постоянно боролись друг с другом. Главным образом жизнь психоанализа проходила в университетах, журналах, кино, между писателями и артистами. И на сегодня психоанализ во Франции остается самым сильным движением, он занял почти все самые важные центральные места. Как и в Южной Америке и в Аргентине.

В это время в Америке развернулась другая революция – контркультурная движение, подогретое Вьетнамской войной, восточной философией, наркотиками и рок-н-роллом. Благодаря работам Павлова, Скиннера в Америке показали, что можно изменить поведение через активную психотерапию «здесь и теперь» и активно-директивную психотерапию. Американские психологи, психотерапевты делали много экспериментов и научных исследований и за несколько лет приблизительно в 1980 годах в войне с психоанализом выиграла поведенческие психотерапии. Психоанализ стал очень дорогой, людям все меньше и меньше посещали психоаналитиков – для них это было очень дорого и долго, и по пришествию 10-15 лет психоаналитиков в Америке стало очень мало. Только у опытных специалистов есть клиенты, а у молодых специалистов только 1-2 клиента. В Америке психоанализ сейчас совсем не моден, поскольку через поведенческую терапию можно добиться больших результатов – быстрее, дешевле и более эффективно, и теперь психоанализу в Америке больше не учат на факультетах медицины и психологии. Считается, что это историческое движение, которое закончилось в прошлом веке, и теперь о психоанализе говорят, как говорят о Платоне, о Канте – это как философия 19 - 20-го века. Психоанализ изучают в литературе и на философских факультетах. За Америкой последовала Голландия и потом Германия, в северные страны, в Скандинавию психоанализ даже не дошел. А в Англии, Австрии, Америке и Германии психоанализ теперь составляет примерно 8-12% всех психотерапевтических услуг, в Австрии только 4%. Во Франции психоанализ все еще силен, существует много движений борющихся друг с другом, но все они борются с поведенческим движением, против гуманистического подхода, считая, что все это очень поверхностно и не работает глубоко с психологией человека, и в университетах преподают, что единственная эффективная, глубокая психотерапия это психоанализ.

Артур: Недавно во Франции вышла книга под названием «Черная книга психоанализа». Как мне показалось она обозначила специфическую, критическую точку в развитии психоанализа, симптоматическая книга. Расскажи о ней пожалуйста, прокомментируй ее и ту ситуацию в которой эта книга появилась?

Серж: 1 сентября 2005 года вышла сразу ставшая знаменитой книга «Черная книга психоанализа» (Le livre noir de la psychanalyse) - 800 страниц, 40 авторитетных, признанных авторов из 10-ти разных стран, которые описывают негативные аспекты психоанализа. Описывают, как Фрейд гнал, половину из своих случаев он выдумал и даже часто писал их заранее и он сам говорил, что ему хотелось слышать, даже шантажировал своих пациентов – «если ты не согласен с моим мнением, тогда закончим наш

психоанализ». Клиент отрицал, что он хотел бы иметь сексуальный контакт со своей матерью, а Фрейд говорил – так я же вижу, что ты хотел бы иметь сексуальный контакт с матерью. Клиент говорил, что он это не чувствует, а Фрейд говорил, что это потому что у него это задавлено. Если ты говоришь «нет» - значит это правда, и тебе стыдно, у тебя сопротивление, а если говоришь «да», значит ты согласен. И каждый раз объяснял это своей теорией. Это все документально записано – он писал своим друзьям письма, своей жене о том, что у него затруднения поскольку клиенты не согласны с ним с его интерпретациями. Но теперь все эти письма недоступны, поскольку находятся они в библиотеке Конгресса Америки, и их запрещено читать до 2057 года. И существует только несколько человек, которые читали часть этих писем, но они тоже не могут рассказать о содержании Фрейдовских архивов, так как подписали соглашение о неразглашении содержания этих текстов, что никому не скажут, но постепенно они начали писать и рассказывать и теперь две трети архива Фрейда являются секретными. И вот в этой книге многое из этих секретных архивов раскрыто через этих людей, которые читали и так же от тех, кто читал часть его писем. Проводили исследования, например в госпитале, и наблюдали, что все случаи, которые описывал Фрейд, описывал их терапию, психоанализ и, что половину он выдумал и что все его пациенты стали еще более больны после, чем в начале его терапии. Это были неудачные терапии. Фрейд говорил неправду, он был кокаиноман, выдумал много случаев, не интересовался своими клиентами, а только своими гипотезами и т.д. Первая часть книги – сильная критика с очень многими фактами.

Вторая часть книги посвящена не Фрейду, а теории психоанализа. Рассказывая о том что теория выдумана, что Эдипов комплекс существует у некоторых людей, но не у всех, что это проекция, личная проблема Фрейда. Что комплекс первичной травмы – когда ребенок слышит как родители занимаются сексом – это тоже проблема Фрейда и посует такая сцена не является травматогенной. Например в Африке и в России дети часто живут в той же комнате, где и родители и они не становятся сумасшедшими из за наблюдения сексуальных сцен. Что вся теория - это генерализация идей Фрейда и все исследования показывают, что это просто неправда. Также после исследований инстинкт смерти также не был обнаружен у человека, а на этой идеи строилась значительная часть психоаналитической теории.

Третья часть книги посвящена практике. В ней рассказывается о том как психоаналитики организовались, для того чтобы иметь больше клиентов, чтобы им больше платили платили. Создав миф о том, что высокая плата помогает клиенту (но главным образом это помогает психоаналитику), что нужно платить не чеками, а наличными – так как тогда не надо платить налоги, говоря что это важно для клиентов и т.д. Это экономический и политический анализ о том, как психоаналитики защищают свои интересы манипулируя клиентами. Тут тоже много цифр и фактов.

Далее следуют главы, которые стараются понять – а почему психоанализ имел такой успех? И объясняют, что психоанализ отвечает нашим мечтам о свободе, сексуальном интересе, возможности быть услышанным. Допускают, что это не теория, а новая религия, чтобы соблазнить людей и тут тоже приводится много примеров.

Во Франции эта книга оказалась настоящей бомбой, поскольку многие считали, что психоанализ самая глубокая терапия объявив эту книгу лживой. Психоаналитики ответили, что их хотят уничтожить. Теперь во Франции происходит война, главным образом, между психоаналитиками и бихевиористами за место в университетах и каждый день, и каждую неделю публикуются статьи в газетах, в журналах, проходят передачи по радио и телевидению – одним словом вокруг этой темы очень много шума. За две недели было продано 30 000 экземпляров этой книги, которая является вовсе не дешевой – 30 евро. Это начало “войны”. Люди думают, что это конец психоанализа, потому что столько фактов о том, что психоанализ раньше был столь агрессивный, а теперь вынужден оправдываться, старается объяснять почему, что и как. Но никто не знает, что будет дальше. Прошел только месяц. Это новый феномен для Европы, который возник в

Америке 20 лет назад. Эта новая парадигма приехала из Америки во Францию. Сейчас почти треть профессоров не психоаналитики, а наоборот против психоаналитиков. Если какой-нибудь психоаналитик постареет или уезжает – его заменяют бихевиористом. Через 10-15 лет во Франции наверное будет как в Америке - психоанализ будет одной из многих маленьких психотерапий. Я лично был ответственным за национальные исследования в 2001 году. Совместно с Институтом Исследования мы опросили 8000 французов о психотерапии – были ли вы на психотерапии или нет, от какой психотерапии у вас был эффект. Это было первое такое исследование и результаты были неожиданными. 5,2% французов были или до сих пор находятся на психотерапии или психоанализе. 5,2%, т.е. 3 миллиона французов имеют личный опыт в психотерапии, из них 30% проходили психотерапию в психоаналитическом подходе, и только 12% имели психоаналитический опыт в классическом психоанализе на кушетке. А все думают, что 50-60%. Когда во Франции говорили о психотерапии все понимали психоанализ, потому что психоаналитики говорили о себе повсюду, по радио, телевидению, в газетах, журналах. Существовало представление, что психотерапия это психоанализ. Сейчас 12%, а через несколько лет будет как в Австрии 4-5% или как в Америке 8-10%.

Это новый период французской психотерапевтической жизни, а мы как гуманистические психотерапии где-то посередине между психоаналитиками и бихевиористами. У многих из нас есть психоаналитическая подготовка, мы используем понятия переноса, контрпереноса, важность сексуальной жизни, бессознательное жизни, но не согласны с психоаналитической техникой и с нейтральностью. У нас большая связь с бихевиористами, потому что у нас много работы в «здесь и теперь», мы используем домашние упражнения, фокусируем внимание на интересе к окружающему миру. Мы как арбитр между психоаналитиками и бихевиористами.

Надо понимать «Черная книга психоанализа» половинчатая и односторонняя работа. Много информации, которая там изложена является правдой, но авторы описали только половину информации, описали только негативные стороны и нет ни одного слова про позитивное в практике психоанализа, которая очень важна для культурной и личной жизни, для психотерапии. Сейчас во Франции все ждут ответ - «Белую книгу психоанализа».

И еще один интересный факт, который происходит в этом году не случайно – это процесс принятия закона о психотерапии во Франции. Он составлен, но еще не закончен. Первый вариант этого закона предполагал то, что чтобы быть психотерапевтом нужно быть доктором или психологом. Теперь закон уже изменился – и мы, психотерапевты Франции много для этого боролись. Теперь закон гласит, что для того чтобы быть психотерапевтом можно иметь также образование социального работника, педагога, философа, одним словом иметь гуманитарное образование но дополнительно необходимо изучать психотерапию. С этим согласно большинство экспертов, но нынешний закон говорит так, что если специалист имеет образование психиатра, психолога или психоаналитик – тогда он без проблем признается государством, а если другое образование у него, то он тогда должен дополнительно продемонстрировать свое хорошее знание психологии и психопатологии.

Мы пытались выяснить почему психоаналитики имеют специальные права, которые не относятся к другим психотерапевтам других направлений? В прошлом году правительство нам ответило, что потому что все согласны с тем, что психоанализ самый глубокий и самый научный подход. Я встречался с министром здравоохранения и у меня в ближайшее время назначена встреча с премьер-министром по этому поводу, поскольку я представляю всех французских психотерапевтов от Французской Ассоциации Психотерапии. Правительство в этом ничего не понимают – три года назад они считали, что психоанализ гениален, сейчас, что он свершено плохой. Они стараются понять ситуацию и это начало новой борьбы. Мы говорим так: психоанализ интересный, он он всего лишь один из подходов, гештальт другой, есть трансактный анализ, есть

роджерсианский подход, есть семейная терапия – существует 20 подходов, которые приблизительно одного уровня. И важно понять что врачи не лучшие психотерапевты, чем психологи или чем социальные работники, педагоги или философы, которые имеют образование по психотерапии в течении 7 лет с супервизией. Теперь новая начало нового этапа – психоанализ не лучше и не хуже других подходов. У меня как у генерального секретаря французского общества психотерапии сейчас эта борьба занимает приблизительно 50 часов каждую неделю – бесплатно, поскольку надо встречаться с людьми, отвечать на вопросы, давать интервью для журналов и телевиденья. В прошлом году я дал было 80 интервью в журналах и 20 интервью для телевиденья по всем каналам. И теперь опять новая фаза войны, которая в Америке закончилась, но начинается во Франции, а в Латвии будет через 5 лет.

Игорь: Серж, скажи пожалуйста, а на каких фактах построена эта книга «Черная книга психоанализа»? Если некоторые факты и если есть, то какие – Эдипов комплекс и то, что касается Первичной сцены, кстати говоря не факт, а фантазм о котором говорил Фрейд – разве можно доказать или опровергнуть? По-моему это принципиально невозможно.

Серж: Трудно доказать, что это неправда и невозможно доказать, что это правда. Фрейд решил, что это правда. У Фрейда был один важный довод по любому поводу – если человек не помнит или не переживает Эдипова комплекса или певичной сцены – то он это вытеснил. Были серьезные исследования книг, писем, нашли почти всех клиентов Фрейда, нашли его личные записи – в конце каждой сессии он писал для себя, а затем переписывал в статьи, и когда сравнили оказалось эти тексты, обнаружили значительную разницу в описаниях клиентов, он дописывал и досочинял про клиентов то чего с ними не было, подменяя факты своими домыслами, для того чтобы создать доказательства своей теории. Затем нашли некоторых клиентов, некоторые еще живы и они говорят: «Я совсем не помню, никогда не говорил я про это». Например история «Человек – волк» - найдя этого клиента выяснилось, что он никогда не говорил о волке, у него был сон про собаку. Это Фрейд сказал про волка и т.д. Фрейд был жив, когда этого клиента нашли и ему даже психоаналитики платили каждый месяц деньги, чтобы он ничего не рассказывал про свой психоанализ с Фрейдом. Он говорил что влияние терапии на него было негативное. Он давал много интервью, потом даже нашли его личные письма, но теперь об этом знают – это один из примеров.

Анна (знаменитая фрейдовская Анна), она была всегда против психоанализа, она боролась против психоанализа всю жизнь. Ее случай был первым в психоанализе, Фрейд говорил, что она абсолютно излечилась, что тоже являлось неправдой.

Проведено много сравнений писем Фрейда, того что он писал для себя, своей жене Марте, своему другу и в этих записях хорошо видно, что в письмах разные версии. Потом, сравнивали даты, например: Фрейд 18 ноября описывает сеанс, а при проверке оказалось, что сеанс был 3 декабря – он заранее писал сеансы и т.д. Существует множество фактов с которыми согласны психоаналитики, они говорят, что возможно, но это неважно, теория все таки правильная. Так религиозно. Никто не может доказать его теорию но по инерции все говорят что она верна. Это больше похоже на религию чем на науку.

Игорь: У меня еще один вопрос. В связи с такой разрушительной критикой, обвинения во лжи психоанализ. Как тогда быть с теми частями теории, которые оказались достоверными из нашего с вами опыта, полезными, например: перенос, контрперенос, которые тоже, кстати, невозможно доказать? Это болезненная фантазия самого Фрейда, но тем не менее мы используем эти фантазии. Как отделить те фантазии Фрейда, которые могут быть полезными от тех, которые могут быть абсолютно бесполезными и даже разрушительными.

Серж: Это интересный вопрос. Я старался прокомментировать эту книгу «Черная книга психоанализа», но далеко не со всем я в ней согласен. Я говорю, что это интересный факт, эдакая революция. Даже если это правда, то это только часть правды, другая сторона в том, что Фрейд многое понял, выдвинул очень многих позитивных гипотез, которые или проверены, или непроверены, но эффективны и полезны. А об этом в книге совсем не говорится. Я не согласен с этой книгой, как не согласен и с психоаналитиками, которые говорят что это книга - клевета. Это мой научный подход и принцип - я думаю, что у всех людей и у всех теорий есть часть правды и часть ошибок. И я уверен, что если бы Фрейд жил теперь, сегодня, то он бы говорил другие вещи. Потому что наука продвинулась, а он в то время сто лет назад не знал ничего про нервную систему, про мозг – никто не знал. Значит у него были интересные гипотезы, но сто лет назад. Я думаю, что он гениален – некоторые гипотезы уже устарели, а другие еще действуют.

Игорь: Тогда может быть стоит обращаться с этим таким образом, как в 20-м веке еще Карл Поппер предложил назвав это «принципом фальсификации» - теория может быть верна пока не найдено опровержение. Тогда каким образом можно опровергнуть психоанализ?

Серж: Карл Поппер говорил что психоанализ не может быть неправдой, потому что каждый так как если ты соглашаешься с интерпретацией, значит она была истинна, если нет, то у тебя защита или сопротивление. И тогда психоаналитик каждый раз прав. Психоаналитики теперь поменяли позицию и говорят что психоанализ это не наука. С этим все сейчас согласны, а раньше были не согласны. Фрейд думал, что это наука, но после Поппера и других авторов все знают, что это не наука, а интересная гипотеза.

Проблема заключается в том, что если эти гипотезы не научны, то они частично полезны и частично не полезны. Очень интересная часть полезна, а часть опасна.

Когда я работал психоаналитиком я думал, так как меня учили, что в проблемах аутентичных детей и шизофреников виновата мать, так как она плохо относилась к ребенку. Теперь все знают, что мать совсем не виновата, что это неврологические проблемы с фронтальными долями мозга, что вызывает специфические дисфункции и что это совсем не материнское воспитание. Но в течении 30 лет (это тоже интересный факт во Франции) психоаналитики, в том числе и я старались объяснять родителям, что они наверное недостаточно или слишком много занимались ребенком. А теперь они отреагировали и Ассоциация родителей психотических детей подали в суд на психоаналитиков, до выхода этой книги, говоря, что вы испортили всю нашу жизнь, лишили общения с детьми (поскольку Бетлаим, один из ведущих французских психоаналитиков, запрещал всяческие контакты с родителями). Бетлаим был «сумасшедший», но это не его вина. Его книги очень интересные, но я у него был несколько дней и то, что он делал и то, что писал было совсем неоднозначным. То что писал было очень интересным, а то, что делал совсем нелепо.

Артур: Какие перспективы есть у психоанализа как теории?

Серж: Я думаю, что психоанализ во Франции не умрет, но он измениться. Ну, он может стать гештальтом. Мой прогноз в том, что психоанализ станет менее нейтральным, будет больше интересоваться в жизни в настоящем, а не только в прошлом, как строятся отношения между пациентом и психоаналитиком, что происходит «здесь и теперь» между тобой и мной – это как раз уже гештальт сегодня объяснение. И уже несколько лет назад психоанализ во Франции начал двигаться в сторону диалога. Они начали с детьми, детский психоанализ очень близок с гештальтом. Потом с родителями, потом с парами,

групповой психоанализ – очень близкий к гештальту. Я думаю постепенно психоанализ станет гештальтом, но есть риск что потом они будут говорить, что это они придумали.

Артур: Как ты думаешь, что важнее интеграция или эклектика гештальта с психоанализом и конечно же с другими направлениями?

Серж: Для меня это два разных подхода. В моем понимании интеграция – это попытка иметь общую теорию, которая объясняет все теми же словами, теми же концепциями, которые объясняют человеческое поведение и чувства. Для гештальттерапии, для роджерсианской терапии, для психоанализа и т.д. это интеграция. Эклектика это совсем другое. Эклектика – это брать часть техник из разных подходов, которые можно использовать в каждом подходе. Например, гештальт может использовать перенос (это эклектика); может использовать технику «Якорь» из NLP, чтобы что-то осталось из какого-то опыта; техника сценариев жизни из транзактного анализа – сценарии своей жизни тоже можно использовать в гештальте. Транзактный анализ использует «пустой стул» - это техника гештальта, это не теория и т.д, тогда это эклектический подход. Гештальт использует психодраму или монодраму, когда человек сам играет разные роли. Все это эклектическая техника, которая уже очень распространена. Но остаются рамки остаются гештальт, а в этих рамках можно включить разные техники из разных других направлений. Это не интеграция, а серьезной интеграции пока еще нет. Например, важно ли давать возможность выражать эмоции или нужно их контролировать. Это два разных подхода - нужно выбрать один из них, но интегрировать их трудно. Важно ли понять прошлое или важно понять, что происходит теперь – это теоретически два разных подхода.

Артур: Но не случится ли так, что психотерапия рискует превратиться в религию? Потому что, если мы говорим с научной точки зрения о едином феномене, таком как человеческая психика и человеческая жизнь, то в конце концов мы должны будем прийти к некому единому описанию.

Серж: Это как раз одна из центральных критик против психоанализа. Теперь в Америке и во Франции считают, что психоанализ не наука, а религия - Фрейд сказал так и нужно верить Фрейду как Богу, если ты не согласен, то это твои сопротивления и ты опять входишь в эту религию. Догматические знания, которые никто не может проверить – это религия. Гештальт пока не религия как раз потому, что теория недостаточно точная и не очень ясные границы – что такое гештальт, когда он кончается, когда начинается? Некоторые думают, что техники гештальт работы это работа с «пустым стулом», но можно работать по гештальту и не работать с «пустым стулом», а можно работать с «пустым стулом» совсем не работая по гештальту. Это техники, это не теория. А в психоанализе не так, там все уже организовано – и теория, и техника. В классическом психоанализе нужно чтобы пациент лежал на кушетке, чтобы психоаналитик был сзади, чтоб говорил очень мало, чтоб был нейтрален. Не только теория классического психоанализа, но и техника тоже очень ригидная.

Игорь: Закономерно отсюда вытекает еще один вопрос. Кажется, что такое методологическое сближение гештальта и психоанализа не случайно. Возможно это обусловлено тем распространенным мнением, что в гештальттерапии нет своей теории. Может быть поэтому психоаналитические понятия, психоаналитические теории привлекаются для объяснения гештальт процесса. Мог бы ты прокомментировать положение теории в гештальт-подходе на сегодняшний день?

Серж: Я не совсем с тобой согласен. То, что ты сказал было правдой 30 лет назад, но теперь нет. Это было правдой, потому что на факультетах учили психоанализ, а не гештальт. Для того, чтобы быть академически признанным университетом тогда использовали психоаналитический подход. Теория гештальта все более и более развивается, кроме психопатологий и не нуждается в психоаналитическом подходе. Теперь во Франции существует такое гештальт-течение, которое приближается к юнгианскому подходу, но не фрейдянскому. К юнгианскому подходу, где важны символы, важность переноса, коллективное бессознательное, коллективные сны, сновидения. Но это не потому что нет достаточной теории, а потому что теории и практики довольно близкие. Например, во Франции много юнгианских психоаналитиков изучают гештальт и есть даже целая школа, которая так и называется школа гештальт-аналитиков, но это не классический психоанализ, это юнгианский подход и гештальт. Существуют работы, публикации про это, но это не ортодоксальный гештальт и не ортодоксальный психоанализ. Некоторые работают двумя подходами, но тогда клиент выбирает или то, или другое. Оба подхода нельзя совместить, они лежат в разных теоретических плоскостях.

Артур: Не произойдет ли так, что психоанализ воспроизведет методы, которые сейчас являются основаниями для гештальттерапии или рожерианской терапии и потом скажет, что это «мы придумали», что гештальт это психоаналитическая идея и тогда опять пользуясь своим приоритетным положением будут отрицать другие направления.

Серж: Я так тоже думаю. Они уже это начали. Во Франции у меня много знакомых психоаналитиков, которые работают не как Фрейд, а близко к моей работе - гештальттерапии. Когда я последний раз работал с самим собой, я работал с психоаналитиком, так как я не могу работать с гештальтистами – они все меня хорошо знают, я их сам обучал. Я выбрал психоаналитика с открытым взглядом, работал с ним полтора года для моей личной терапии, недавно 5-10 лет назад. А в конце анализа я спросил, в чем разница работы, которую мы делали вместе с гештальтом. На что он ответил, что он не знает. Для меня это новый психоанализ и я сказал, что это совершенный гештальт, а он ответил: Хорошо пусть так, для меня это совершенно новое течение. Они думают, что они сами поняли важность жизни, контакта и т.д. Потому и нужно писать что все это было уже написано 20 лет назад и что психоаналитики нашли это 20-ю годами позже гештальтистов.

В прошлом году, во время этой борьбы за закон о психотерапии был очень интересный момент – на конгрессе, где было тысяча психоаналитиков на сцену вышло два человека. Один из них был психоаналитиком, зять Жана Лакана. Он теперь руководитель психоаналитического лаканского движения во Франции и в мире. И на этом конгрессе он говорил про его новое течение. Я ему сказал, что в общем он стал гештальтистом. На что он ответил: «Совершенно верно, а ты стал психоаналитиком – ты говоришь про перенос, контрперенос». Я сказал, что это совершенно верно. Он встал на сцену и сказал: «Я сегодня стал психоаналитиком и гештальтистом, и Гингер стал гештальтистом и психоаналитиком». Мы обнялись, поцеловались и весь зал в тысячу человек встал и пять минут аплодировал. Это был очень интересный, эмоциональный момент.

28 сентября 2005 года, Минск, семинар: «Французский стиль в гештальт-терапии»